

Пролог

1

В центре «Банановой авеню»¹, расположенной в юго-восточных, беспокойных кварталах курортного Майами, улицы, где ветер всегда дует с моря и ворошит горы неубранного мусора, первый этаж двухэтажного дома занимает небольшой и даже в самый солнечный день полутемный и прохладный бар «Торнадо-Кри». «Торнадо-Кри» точно так же, как и сам хозяин заведения, пользуется дурной славой. Только за последний год здесь трижды стреляли, и каждый раз в результате перестрелки полиция увозила по паре трупов, которые никто, естественно, не мог опознать. Раненые, как обычно бывает в таких заведениях — а без раненых вообще не обходится ни одна перестрелка, куда-то загадочно исчезали и к официальным врачам не обращались. Хозяин только сердито разводил руками и жаловался по-

¹ «Банановая авеню» — жаргонное название улицы в Майами, городе в штате Флорида, США. Название улицы получила потому, что на ней большей частью живут выходцы из так называемых «банановых республик» Центральной Америки — латиносы, кубинские эмигранты.

лиции, что бандитов в районе развелось слишком много. Но завсегдатаи знали, что сам он держит под стойкой пистолет-пулемет и во всех трех заварушках выступал чуть ли не инициатором. Но жить хочется всем, и такие сведения ни один из завсегдатаев бара сообщить полиции не желает. Давно известно, что на каждого доносчика найдется куча других, которые донесут уже не в полицию, а это гораздо страшнее...

Аугусто Барерра, хозяин заведения, в прошлом профессиональный боксер, не снискавший славы на ринге, слывет человеком решительным и не любящим компромиссов. Более того, поговаривают, что он постоянно идет на конфликты, не считаясь ни с чем, — пороховая бочка, одним словом, а не хозяин бара, и спиртное, которое он потребляет в неестественных количествах, внешне оставаясь трезвым, основательно помогает воспламенению его души. Но мало ли что говорят о человеке, когда его не очень любят и побаиваются...

Осенним утром, когда бар только открылся и хозяин еще не успел протереть, как обычно, все стаканы, но уже занял место за стойкой, чтобы приступить к этому занятию, в «Торнадо-Кри» заходят трое посетителей. Барерре сразу не нравится, что это не привычные в здешних местах латиносы, то есть выходцы из латиноязычных стран Центральной и Южной Америки, и даже не негры, которых везде полно, а в Майами особенно. Он даже затрудняется сразу сообразить, что за посетители, разговаривая

между собой на неизвестном языке, занимают места на высоких табуретах. Нехорошая, по мнению Барреры, примета — первые посетители — из чужих, тем более неприятно трезвых. Это обещает не менее неприятные новости в течение дня, а хозяин бара, как всякий латинос, суверен. И потому спрашивает недовольным, хриплым с утра, после традиционного вечернего возлияния, голосом:

— Что будете пить?

Они сначала молча рассматривают его. Невжливо молчать, когда тебя спрашивают, и Баррера это тоже не нравится. Он начинает слегка «закипать».

— Сеньор Баррера? — наконец спрашивает старший из посетителей и снимает шляпу, чтобы положить ее на соседний свободный табурет и продемонстрировать свою идеально выбритую лысину. Лысина светится даже в полумраке бара, словно настоятельно просит, чтобы на нее сначала плюнули, а потом накрыли сверху плевком не шляпой, а бутылкой. Но посетитель сидит на высоком табурете, а Баррера не слишком высок, чтобы дотянуться и плюнуть точно в цель. И только по этой причине он сдерживается, хотя руку на бутылку все-таки кладет.

— Чего пить будете, спрашиваю... — рявкает он повторно, слегка наклоняет голову и приподнимает брови — привычка боксера смотреть исподлобья.

— Нам нужен сеньор Аугусто Баррера... — миролюбиво говорит лысый. — А пить... Апельсиновый сок со льдом, если можно...

Здесь не принято разговаривать так вежливо — это раздражает.

— Нельзя! — оттого-то и злится Барерра, уже принимая решение устроить взбучку этим плюгавым интеллигентам, если только они совершат еще хотя бы один шаг навстречу его настроению. — Сок таким скотам только на улице продают... Я — Барерра... Я — здесь хозяин... Мотайте отсюда... И не морочьте мне с утра голову...

— Я же говорил, что он хам и отъявленный негодяй... — говорит крайний справа посетитель, самый молодой. На хорошем английском говорит, чтобы и Барерра понял, а вовсе не на том странном языке, на котором все они вначале разговаривали между собой.

С Бареррой никто в его баре так себя не ведет, считая это просто опасным. На него, конечно, тоже могут иногда повесить голос, когда основательно подопьют, но не раньше. А это — прямой вызов. Вызов хозяин «Торнадо-Кри» всегда принимает с охотой...

Рука боксера-профессионала начинает работать раньше, чем Барерра сообщает, как ему себя вести и что такое сказать, чтобы это выглядело по-настоящему красиво — все латиносы любят красиво и цветисто выражаться. Кулак резко летит через стойку, чтобы в последней, самой опасной фазе траектории своего движения сжаться и столкнуться с челюстью посетителя. Классический прямой удар... Но вместо челюсти кулак натывается на раскрытую

ладонь, выдвинутую вперед. И основание ладони бьет по средним суставам еще не сжатых пальцев. Барерра буквально ревет от боли по-бычьей. Он лучше других понимает, что у него в результате столкновения уже разорваны связки на четырех пальцах правой руки. Когда-то в молодости такое уже с ним бывало. И тогда рука оставалась нерабочей в течение трех месяцев. Но сейчас Барерру беспокоит не это. Он выдает в мир длинную и цветистую тираду ругательств, а вторую, пока еще целую руку, сует под стойку, чтобы достать пистолет-пулемет «узи». Одновременно поднимает глаза и вдруг видит, что в голову ему смотрят черными безжалостными отверстиями три пистолета с глушителями — один в лоб, два — чуть ниже, на случай, если он успеет присесть перед выстрелом. И все это синхронно, быстро, четко, без суеты и лишних слов, столь милых латиноамериканской сущности Барерры.

Три поднятых ствола — аргумент достаточно веский, чтобы выпустить не поднятое еще оружие из уже обхвативших рукоять непослушных пальцев.

Но стволом его напугать трудно. Барерра усмеяется:

— Ваша пока взяла... Но запомните, я не из тех, кто постесняется выстрелить в спину... И потому — берегитесь...

— Мы побережемся... — отвечает лысый. — Мы люди осторожные и свою жизнь бережем во славу Аллаха...

— Что вам надо?

— Нам нужна Марихуана Андреевна... — лысый с трудом произносит это имя. Впрочем, Барерра сам это имя произносит с трудом, но ему нравится его произносить.

— Шлюха?.. Можно было бы просто спросить... И не ломать людям пальцы...

Барерра трет пальцами левой руки пальцы правой и морщится — больно. И долго еще будет больно, знает он...

— Где она?

— В это время она еще спит...

Барерра держит у себя трех шлюх, обслуживающих его клиентов, и сдает им комнаты. Он не считает себя профессиональным сутенером... Нет, он им тоже дает возможность немного заработать, в отличие от уличных сутенеров, обирающих своих шлюх полностью. Но состояние они и здесь себе не сколотят...

— Где она? — голос посетителя звучит настойчивее, с легкой угрозой.

— Второй этаж, по коридору налево... Предпоследняя дверь... — рывкает Барерра и оборачивается на темный угол зала, где расположены три двери.

Двое из троих ранних посетителей идут к лестнице. Правильно идут, знают, за какой дверью лестница — это Барерра отмечает сразу. Значит, кто-то их навел. Но не из самого близкого окружения, потому что иначе они не спрашивали бы, как найти комнату этой русской лярвы. Третий, молодой, задерживается, не убирая пистолет, и с укором качает головой.

— Не надо вам было хамить уважаемым людям... И спасибо за предупреждение... Я самый осторожный из нас троих, очень осторожный, и потому поберегусь...

Барерра не слышит выстрела, он только по глазам понимает, что молодой посетитель нажимает спусковой крючок. Пуля пробивает голову Барерры навывлет и разбивает бутылки в стойке и зеркало...

— Это к несчастью... — говорит молодой посетитель, прячет пистолет под полу пиджака, но не убирает в подмышечную кобуру. Он и в самом деле осторожный...

* * *

Коридор короткий и грязный, с оборванными обоями, висящими клочьями.

Лысый, так и не забравший свою шляпу с табурета, мимоходом обрывает со стены один лоскут обоев, нюхает и брезгливо протирает после этого пальцы, словно раздавил клопа.

Найти нужную дверь легко. Посетители останавливаются перед ней, и спутник лысого толкает ее, убеждается, что дверь закрыта, отступает к противоположной стене и с короткого шага бьет каблуком в замок. Хлипкая дверь сухо трещит, ломаясь, и распахивается.

Комнатенка маленькая, тесная. В ней только шкаф, кровать, стол и умывальник с раковиной. Даже нет стула. Рядом с кроватью — пустая пузатая бутылка из-под рома. И острые очертания тощего тела

под грязной простыней. Попутчик лысого сдергивает простыню, и первое, что они видят, — это испуганные глаза.

Проститутка не спит. Она смотрит, словно ждет беды.

— Здравствуй, Маришуана Андреевна... — говорит лысый.

— Не брала я его деньги... Не брала... — отвечает женщина. По голосу чувствуется, что она не совсем трезвая. — Он их сам вечером в баре потерял...

И смотрит за спину.

Спутник лысого оборачивается. В дверях стоит человек — обыкновенный малорослый латинос. И закручивает зажатое в руке мокрое полотенце — вместо дубинки. Видимо, вышел на шум из соседней комнаты.

— Это кто? Защитнички? — спрашивает латинос на плохом английском. Проститутку спрашивает. И в его голосе слышна издевка человека, привыкшего приказывать. Он совсем не боится, чувствуя себя в этом квартале хозяином, таким же, каким чувствовал себя Барерра за стойкой бара.

Лысый наклоняется и трогает плечо женщины. На плече свежий кровоподтек. Пожалуй, мокрое полотенце бьет посильнее полицейской дубинки...

Латинос поднимает руку и делает шаг вперед. Последний шаг... Потому что спутник лысого стреляет из-под полы своего светлого пиджака. Стреляет точно, сразу в голову. Тело падает неестественно

громко, чуть ли не громче, чем выстрел. Проститутка пугается еще больше и пытается отодвинуться в угол.

— Марина Ивановна Андреева? — вдруг по-русски спрашивает лысый. Он хорошо говорит по-русски, только с легким кавказским акцентом.

— Да... Я... — хрипло шепчет женщина.

— Скажи-ка мне, Марина Ивановна, откуда ты родом?

— Я... Я... Из Столбова...

— Тогда мы к тебе...

— Что... Что вам надо?

— Жениться я на тебе хочу... — добрым и проникновенным голосом говорит лысый. — И домой увезти... В Столбов...

— Охренел совсем... — хрипло выдыхает Марина Ивановна. Похоже, подобная перспектива пугает ее больше, чем побои...

Но в испуганных нетрезвых глазах ее появляется какой-то интерес, по крайней мере она с любопытством рассматривает идеальную лысину...

2

Легкое касание тормозов, совсем незначительное, но машину все равно слегка заносит на повороте. Хотя скорость небольшая и дорожное полотно ровное, правда, чуть идущее под уклон.

— Кто меня уверял, что в Южной Италии не бывает зимы? — Длиннобородый араб в светлых вос-

точных одеждах и темных очках смотрит на человека, устроившегося рядом с ним на заднем сиденье. Стекла салона сильно тонированы, и оттого здесь царит полумрак. Да еще плюс темные очки — что можно увидеть... Но араб, похоже, видит в темноте, как кошка...

Второй пассажир посмеивается.

— Я слышал, что вчера снег выпал даже в Израиле, радуя ваших братьев-палестинцев... Пустяк, конечно, но приятно, что хоть несколько человек поскользнутся и сломают себе ноги... Именно так мне вчера сказал в Риме один знакомый палестинец... Сам он ноги не ломает — уже несколько лет ездит в инвалидной коляске...

— Слава Аллаху, снегопад не в Эр-Рияде... — араб тоже посмеивается. Он поддерживает и одобряет действия палестинцев, но относится к методам борьбы ООП¹ чуть свысока, с точки зрения своего собственного размаха и значимости...

Путь от аэропорта до Сан-Джованни-ин-Фьоре по местным меркам считается длинным. А если учесть, что неожиданный обильный снегопад принес неразбериху на южноитальянские дороги и заставляет машины еле-еле ползти на горных поворотах, то становится понятным, насколько растягивается этот путь.

— Вы когда планируете вылететь обратно, эмир?

¹ ООП — Организация освобождения Палестины.

— Я думал заглянуть на пару дней в Рим — просто развеяться, но если и Рим завалило снегом, мне там нечего делать...

— Вчера в Риме целый день лил дождь...

Араб поднимает ладони перед лицом, словно обращается к Аллаху:

— Что делается в старой Европе! В дождь я тоже не хочу... Наверное, вечером вылечу домой, поближе к солнцу... Надо будет не забыть позвонить и предупредить пилота... Мы с вами успеем до вечера обсудить все проблемы?

— Проблема, эмир, в настоящее время одна, и решение ее зависит полностью от вас — финансирование... Это слегка тормозит действие...

— А специалисты?

— Специалисты готовы... Уже проработали отдельные детали до тонкостей, часть действия уже начата и готова принести в будущем дивиденды. Подготовительная работа, одним словом... Ждем команды для начала первого этапа...

— Наверное, можно профинансировать для начала только первый этап... Мы даже не знаем, насколько он будет удачным... А потом уже браться за второй. На втором этапе, как я понимаю, будут работать другие люди?

— Нет, эмир... Помощники будут другие — только помощники, исполнители... Но общее руководство в целом не меняется. Неразумно при такой операции распылять силы. И в США, и в России, и в Великобритании службы безопасности тоже не